

УДК 340.13

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ

А. К. Кукеев

Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
e-mail: askar_kukeyev@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье раскрывается современное понимание принципа правовой определенности как одной из важнейших составляющих верховенства права, его соотношения с другими родственными понятиями; основные требования принципа правовой определенности для нормотворческой и нормоприменительной, в частности судебной, практики.*

***Ключевые слова:** верховенство права, принцип правовой определенности, юридическая техника, защита легитимных ожиданий, исполнение судебных решений, обеспечение единства судебной практики.*

***Annotation.** This article reveals the modern understanding of the principle of legal certainty as one of the most important components of the rule of law, its relationship with other related concepts; the main requirements of the principle of legal certainty for rule-making and rule-applying, in particular judicial, practice.*

***Keywords:** the rule of law, the principle of legal certainty, legal technique, protection of legitimate expectations, enforcement of court decisions, ensuring the unity of judicial practice.*

Правовая определенность и ее составляющие являлись важным предметом исследований на протяжении веков. Так, Б. Леони в книге «Свобода и закон» справедливо отмечает, что правовая определенность является залогом реализации личной свободы, необходимым элементом политической и правовой системы [1, с. 113]. Корни концепции правовой определенности берут начало еще в Древней Греции и Древнем Риме, где впервые было обращено внимание на важность точности и предсказуемости закона. Однако решающий вклад в развитие теории правовой определенности как составляющей верховенства права внес А. Дайси — классик теории верховенства права (rule of law) и их последователи. Ими была развита точка зрения, что законы должны быть доступными, понятными, четкими и обращенными в будущее. В частности, А. Дайси в своем труде «Введение в учение о праве конституции» выделяет определенность и предсказуемость закона как одну из основных черт верховенства права [2, с. 10].

Среди отечественных ученых, занимавшихся вопросом правовой определенности, следует назвать прежде всего С. П. Головатого. Он отмечает, что правовая система, нормы которой являются несомненными (определенными),

позволяет человеку владеть знаниями о сфере свободы, в которой она может действовать как независимое лицо, не боясь при этом непредсказуемых, безосновательных вторжений власти. По его мнению, верховенство права как определенность означает, что все юридические нормы — от самой абстрактной до самой конкретной — должны быть интегрированы в систему [3, с. 25].

М. Баймаханов определяет содержание принципа правовой определенности как совокупность требований, вытекающих из идеи предсказуемости права. Ученый, как уже отмечалось, выделяет требования к нормам права (содержательные и процедурные) и требования к нормам применения (необходимость выполнения нормативно-правовых актов, единство практики применения нормативно-правовых актов, а также важное место занимает окончательность судебных решений), каждое из которых является важной составляющей принципа правовой определенности [4, с. 38].

Следует еще раз подчеркнуть, что в трудах, посвященных принципу правовой определенности, отсутствует единое мнение по этому понятию. Да, по мнению В. А. Крыжан, понятие «правовая определенность» можно истолковать как обязательство государственных органов обеспечить легкость выяснения сущности правовых норм, стабильность законодательства, четкость и однозначность при реализации и применении правовых норм [5, с. 82].

В. Брюгер раскрывает понятие принципа правовой определенности также через его элементы, которыми, по его мнению, является четкость определения правовых норм и подчинение праву, стабильность правовых норм, четкая институциональная ответственность органов власти [6, с. 212]. Однако такой подход, хоть в общем и правильный, однако неполный, учитывая, что к понятию правовой определенности не включается ряд элементов, связанных с предсказуемостью последствий определенного поведения индивида, законодательной политики и т. п.

Даже из приведенных позиций названных авторов следует, что понятие принципа правовой определенности раскрывается ими не путем всеобъемлющей дефиниции, а через поэлементный подход, т. е. перечисление и раскрытие определенных элементов, составляющих: предсказуемость законодательной политики, в частности изменений в законодательстве, предсказуемость для индивида правовых последствий своих действий, наличие соответствующей организации государственно-властного аппарата (в частности, законодательное ограничение дискреционных полномочий), требования ко всем ветвям власти действовать на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренным конституцией и законами и т. д. Такой подход, по нашему убеждению, вполне обоснован и единственно правильный. Однако он требует,

если и не исчерпывающего, то, по крайней мере, достаточно полного перечня элементов — составляющих принципа правовой определенности.

Рассмотрим, какие еще элементы включают в это понятие. Важным элементом принципа правовой определенности часто называют принцип окончательности решений суда — *res judicata*, который известен еще с римского права. Его значимость признавалась даже в советское время. Да, в трудах ученых этого периода понятие «стабильность правового решения», что, конечно, влияет на содержание окончательности решений суда, было удачно определено М. А. Гурвичем. По мнению ученого, стабильность правового решения обеспечивается двумя запретами, например: а) невозможностью пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу; б) невозможностью нового рассмотрения дела, способного привести к отмене или изменению ранее принятого решения [7, с. 161–162].

Действительно, слишком трудно установить меру, насколько должна быть определена норма. А. Н. Соколов считает, что законодатель должен формулировать норму настолько точно, насколько это возможно в свете нуждающейся проблемы регулирования [8, с. 168]. Да, нормы конституции могут быть более общими и менее точными, чем положения других законов. Наиболее точными должны быть положения законов, определяющих наказание и полномочия органов государственной власти, поскольку четкое определение оснований, границ и способов осуществления компетентным органом властных полномочий является одним из способов законодательного ограничения свободы усмотрения в отношениях с гражданами.

Ж.-Л. Бержель, рассматривая проблему юридических определений, отмечает, что этот вопрос является проблемой методологической альтернативы: «Или юридические определение с неоспоримым верховенством законодательной власти, что одновременно гарантирует правовую обеспеченность и неуклонность права, или же отсутствие юридических определений, но предоставление большой свободы судьям, что приводит к определенной шаткости законодательного сооружения и большой гибкости правовых норм» [9, с. 216].

Таким образом, поскольку абсолютной определенности формулировок текстов законов достичь невозможно, важная роль в понимании норм права принадлежит нормоприменительным органам, в частности судам. В процессе принятия решений суды могут слишком свободно толковать правовые нормы, что, безусловно, является отрицательным явлением. Поэтому в основе интерпретационной деятельности судьи должен быть сбалансированный подход — применение как элементов определенности, так и других принципов (как пропорциональности) и ценностей (как справедливости), направленный, прежде

всего, на защиту прав человека. А в этом, как известно, состоит фундаментальное значение верховенства права.

Анализ подходов многих ученых, изложенный выше, свидетельствуют о том, что не существует единого комплексного понимания принципа правовой определенности. Как правило, тот или иной ученый выделяет лишь некоторые важные для него мнения, аспекты (элементы) принципа правовой определенности. Это говорит, с одной стороны, об отсутствии единого унифицированного подхода к изучаемому понятию, а с другой — о его важности.

Указанные исследования как зарубежных, так и отечественных ученых показательны и значимы для комплексного понимания теоретических основ принципа правовой определенности, а также чрезвычайно важны как с точки зрения дальнейшего практического применения, так и с точки зрения гарантии защиты основных прав человека. Таким образом, можно утверждать, что принцип правовой определенности есть многоаспектное явление, состоящее из комплекса различных требований (подпринципов), совокупность которых дает полное основательное понимание изучаемого явления.

-
1. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. М. : ИРИСЭН, 2008. 308 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Dicey A. Introduction to the Study of the Law of the Constitution [Electronic resource]. URL: http://files.libertyfund.org/files/1714/0125_Bk.pdf (date of access: 11.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 3. Головатый С. П. Верховенство права: идея, доктрина, принцип : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук ; Ин-т законодательства Верхов. Рады Украины. Киев, 2008. 44 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Баймаханов М. Верховенство права как системообразующий признак понятия правового государства // Эділет : науч. труды. 2001. № 1. С. 36–46. [Вернуться к статье](#)
 5. Крыжан В. А. О содержании принципа правовой определенности // Перм. юрид. альманах. 2018. № 1. С. 81–88. [Вернуться к статье](#)
 6. Brugger W. Concretization of Law and Statutory Interpretation. European and Civil Law Forum. 1996. P. 211–212. [Вернуться к статье](#)
 7. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1976. 176 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Соколов А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград : Янтар. сказ, 2002. 456 с. [Вернуться к статье](#)
 9. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / пер. с фр. Г. В. Чуршукова ; под общ. ред. В. И. Даниленко. М. : Nota bene, 2000. 575 с. [Вернуться к статье](#)